

Спустя мгновение, словно душа вернулась в тело, снаружи послышался встревоженный голос ассистента:

— Молодой господин Хэ, с вами всё в порядке? Вы не отвечаете.

Се Гуаньцзюй вытер слёзы и безжизненно ответил:

— Я в порядке.

Он крепко прижал к себе одеяло, уставившись на запертое окно. Руки, спрятанные под одеялом, были сжаты в кулаки и слегка дрожали. Он знал: что бы ни случилось, он должен найти способ спасти семью Чжоу Цзюня. Раз всё, что произошло, случилось из-за него, значит, он обязан выбраться из рук этого мужчины по имени Фэн Бэй.

Он не может вечно сидеть взаперти, словно канарейка в клетке. Не может и дальше терять свою жизнь. Да, он потерял память, но это не мешает ему обрести новую жизнь. И этого Фэн Бэя, кем бы он ни был в прошлом, он больше не желает видеть — ведь именно он держит его в заточении!

...

В тот же вечер Фэн Бэй приехал домой на машине. За несколько дней отсутствия его высокая фигура осунулась и похудела. Хотя он намеренно привёл себя в порядок, сбрав щетину, под глазами всё равно залегли тёмные круги. Возвращаясь, он даже сделал крюк, чтобы купить свежих продуктов, решив собственноручно приготовить что-нибудь для Хэ Гуанъюня.

Ассистенты и охранники у входа, заведя его, отошли к лестничной клетке. Все они знали: когда Фэн Бэй дома, он не любит, чтобы ему мешали находиться с Молодым господином Хэ.

Фэн Бэй вошёл, остановился в прихожей и обнаружил, что того человека в гостиной нет. Сердце его невольно ёкнуло от страха. Даже не успев поставить продукты, он бросился открывать двери спальни и кабинета — но нигде не увидел знакомого силуэта.

В тот же миг бровь Фэн Бэя дёрнулась, в глазах мелькнула паника.

Где же он?

Но тут он услышал лёгкий стук ножа о разделочную доску — звук, доносящийся из кухни, словно кто-то готовил еду. Он резко развернулся и кинулся на кухню. Лишь увидев в дверях знакомую фигуру, он почувствовал, как бешено колотившееся сердце, казалось, подпрыгнувшее к самому горлу, медленно вернулось на место.

Боже, в то мгновение ему показалось, что этот человек снова исчез у него из-под носа. Паника захлестнула его, мысли опустели, и он почти утратил способность действовать и думать.

То чувство потери он не хотел бы испытать снова.

Поэтому, даже если этот человек больше его не помнит, не любит и даже ненавидит, он всё равно будет крепко держать его рядом и ни за что не отпустит.

Он смотрел на спину Се Гуаньцзюя, и на его губах появилась горькая улыбка.

Се Гуаньцзюй, стоявший у раковины, словно почувствовав движение за спиной, обернулся. Лицо его всё ещё было бледным, без всякого выражения, а взгляд рассеянным — будто он и смотрел на Фэн Бэй, и в то же время смотрел сквозь него.

Но Фэн Бэй подумал: раз этот человек уже пытается готовить, может, это значит, что их отношения наконец-то начали налаживаться? Быть может, скоро он будет готов снова принять его и захочет вернуть их общие воспоминания?

— Я купил кое-что из твоих любимых блюд...

Се Гуаньцзюй не ответил.

Фэн Бэй не обиделся. Уже хорошо, что этот человек встал с кровати, стоит на кухне и хотя бы взглянул на него.

Он медленно подошёл и мягко, нежнейшим голосом произнёс:

— Не надо тебе готовить. Позволь мне, хорошо?

Он приблизился к Се Гуаньцзюю, положил продукты на край раковины, а затем осторожно, пробуя, обхватил его руками и легко поцеловал в щёку. Поцелуй был лёгким, как перышко, словно он боялся спугнуть стоящего перед ним человека.

Но Се Гуаньцзюй оставался безучастным. Без единого движения, словно потеряв душу, он стоял и позволял Фэн Бэю увести себя.

Когда Фэн Бэй подхватил его на руки, пальцы коснулись его талии, и в глазах мелькнула жалость. Этот человек слишком похудел. За последнее время он потерял ещё больше веса — пижама болталась на нём, будто став на размер больше.

— Я приготовлю что-нибудь вкусное. Давай вместе поедим, хорошо? — продолжал мягко уговаривать Фэн Бэй. Видя, что Се Гуаньцзюй всё ещё стоит как вкопанный, он не удержался и снова приблизился, касаясь кончиком носа его носа в интимном жесте.

Он больше не мог терпеть. Дни без прикосновений сводили его с ума от желания быть рядом с

этим человеком.

А тот по-прежнему не реагировал.

На миг в душе Фэн Бэя вспыхнуло чувство, которое можно было назвать радостью и ликованием, — эмоции, которых он никогда раньше не испытывал. В нём даже затеплилась робкая надежда: а вдруг этот человек дрогнул? Вдруг он тронут? А вдруг... возможно, ему удастся заслужить его глубокую любовь во второй раз?

Мысли были жалкими, но они действительно роились в его голове, и он безумно ждал и жаждал этого.

Но в этот самый момент он почувствовал, как что-то холодное упёрлось ему в грудь. Нечто очень острое, отблескивающее серебром, мгновенно резануло по глазам. Не смея поверить, он опустил взгляд и увидел, что этот человек приставил к нему нож.

Се Гуаньцзюй сжимал нож обеими руками. На лице его на миг мелькнула паника, но тут же сменилась решимостью добиться цели. Глаза его наполнились слезами, он направил лезвие прямо на Фэн Бэя и, запинаясь, произнёс:

— Ты... что ты сделал с семьёй Чжоу Цзюня?

Фэн Бэй вмиг словно рухнул в ледяную пропасть. В одно мгновение он понял, что значит чувствовать себя хуже мёртвого.

На кухне воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь дыханием двоих, стоящих друг напротив друга.

Се Гуаньцзюй услышал голос 502 у самого уха:

— Текущий уровень благосклонности цели: 99. Уровень душевной боли: +5. Текущий уровень душевной боли: 90.

Фэн Бэй, не отрываясь, смотрел на Се Гуаньцзюя. Глаза его slowly наливались краснотой. Огонёк в зрачках, казалось, с треском погас. Губы его шевельнулись, но от боли он не мог издать ни звука.

Спустя мгновение он тихо рассмеялся, даже щёлкнул пальцами и, едва шевеля губами, произнёс:

— Давай заключим пари. Посмотрим, сможешь ли ты вонзить этот нож мне в сердце.

— Ты... — рука Се Гуаньцзюя, сжимавшая нож, не переставала дрожать.

— Если ты сможешь вонзить его, не колеблясь, ты выиграешь. Чжоу Цзюнь будет в безопасности, и я обещаю отпустить тебя... Хочешь попробовать? — Фэн Бэй сделал шаг вперёд, грудью надавив на фруктовый нож, и в глазах его застыла пустота.

18. Русалка

Он шагнул вперёд без малейших колебаний, с отчаянной решимостью, словно ему было всё равно, войдёт ли нож в его сердце в следующую секунду.

Се Гуаньцзюй смотрел, как лезвие прорывает свитер на груди Фэн Бэя, слегка входя в плоть. Правая рука его задрожала ещё сильнее, и он почти рефлекторно отступил на шаг назад.

В страхе он поднял глаза на Фэн Бэя. Фруктовый нож в его руке не отдёргнулся, но и не двинулся вперёд.

— Что такое? — в глазах Фэн Бэя застыла боль, но губы его скривились в усмешке. Чёрными зрачками он впился в Се Гуаньцзюя, будто хотел сквозь кожу и кости разглядеть, осталось ли в его сердце хоть малейшее место для него.

Голос его охрип, он спросил без всякой надежды:

— Неужели хоть капельку жалко?

Се Гуаньцзюй не мог ответить. Его всю трясло. Он медленно опустил глаза, уставившись на нож в своей руке.

Тогда Фэн Бэй сделал ещё один шаг вперёд, снова прижимаясь грудью к лезвию.

Сердце его бешено колотилось, и эта дрожь через нож передавалась в ладонь Се Гуаньцзюя.

Се Гуаньцзюй, оцепенев, смотрел на этого безумца. В его глазах мелькнули борьба и растерянность. Руки, сжимавшие нож, почти не держали его, дрожа. Фэн Бэй почти прижал его к стене — отступить было некуда.

Фэн Бэй смотрел на этого человека, видел всю борьбу на его лице. И в его собственных глазах, будто пепел после извержения, снова затеплился слабый огонёк надежды, словно потухший вулкан оживал. Горло пересохло, и он с трудом выговорил:

— Почему ты не действуешь? Разве ты сейчас не ненавидишь меня?

Се Гуаньцзюй, бледный, снова в панике отступил, но рука, сжимающая нож, стала ещё слабее.

Наконец он медленно опустил руку и больше не стал поднимать глаза на Фэн Бэя.

Сердце Фэн Бэя ёкнуло, в нём затеплилась робкая надежда, но он не осмелился приблизиться. Застыв в полушаге, он ошеломлённо смотрел на него. Голос его был мягким, он медленно произнёс:

— А теперь опусти нож. Хорошо?

Но в следующую секунду, к его изумлению, Се Гуаньцзюй внезапно поднял нож и приставил его к собственной артерии на запястье.

— Ты что творишь! — вскрикнул Фэн Бэй, теряя всякое самообладание. Он инстинктивно бросился голыми руками хватывать нож, но Се Гуаньцзюй оказался быстрее — лезвие уже впилося в кожу. Ещё одно движение — и оно прорезало бы глубокую рану, брызнула бы кровь.

Фэн Бэй, охваченный ужасом, смотрел на Се Гуаньцзюя, почти забыв, как дышать.

Се Гуаньцзюй поднял глаза. Взгляд его был пуст, на бледном лице застыли страх и решимость:

— Отпусти семью Чжоу Цзюня. Они невиновны! Это я тебя не помню — моя вина. А чем они виноваты?

Фэн Бэй застыл на месте, не в силах пошевелиться, глядя на него.

— Ты угрожаешь мне таким способом ради этого Чжоу? — в глазах Фэн Бэя застыли неверие и невыносимая боль, словно он падал в ледяную пропасть. — Знаешь ли ты... раньше ты действительно очень любил меня. Что бы я тебе ни сделал, ты всё прощал, никогда не винил. Ты действительно сильно любил меня. Но теперь...

Он помнил, как однажды Хэ Гуанъюнь устроил празднование дня рождения для Чжоу Цзюня, но, когда в тот день на лайнере появился сам Фэн Бэй, Хэ Гуанъюнь, не колеблясь, бросил Чжоу Цзюня и пошёл к нему. Он также знал, что, когда Чжоу Цзюнь при всех признался в любви Хэ Гуанъюню, тот прямо ответил, что его сердце уже занято другим.

Тот прежний Хэ Гуанъюнь ради него готов был отказаться от всего, даже от жизни, и уж тем более не стал бы думать о каком-то Чжоу Цзюне.

Но теперь всё изменилось. Этот человек знаком с Чжоу всего несколько дней, а уже готов угрожать ему жизнью ради Чжоу.

Да, это было бы логично. Сейчас в глазах этого человека Чжоу был тем, кто спас его из пожара, кого он увидел первым, открыв глаза, кто провёл с ним в самые трудные дни.

А сам Фэн Бэй для него — всего лишь незнакомец, который силой забрал его из санатория и запер в этой квартире.

— Я не помню, — прервал его Се Гуаньцзюй, слегка дрожа всем телом. — И даже если я и любил, это было в прошлом.

— Это было в прошлом, — безжизненно, как эхо, повторил Фэн Бэй. В душе его царила такая боль, что он перестал что-либо чувствовать. Последний лучик света в его глазах погас. Губы его шевельнулись, будто он хотел что-то сказать, но не мог издать ни звука.

— Умоляю, — снова заплакал Се Гуаньцзюй. — Отпусти меня. И отпусти тех, кто рядом со мной.

— Ты так не хочешь меня видеть? Хочешь, чтобы я навсегда исчез?

— Да.

В воздухе повисла мёртвая тишина.

Фэн Бэй долго молчал. Его высокая фигура стояла, словно сломленная, какой она ещё никогда не была.

— Сначала опусти нож, — произнёс Фэн Бэй, чеканя каждое слово, и протянул руку к Се Гуаньцзюю. Голос его охрип, стал чужим. — Отдай нож мне. Я обещаю.

...

502:

— Брат Се, он тебе пообещал... что именно? Отпустить Чжоу Цзюня? Или отпустить тебя?

Се Гуаньцзюй:

— Отпустить меня? Вряд ли так легко. С его-то упрямством он скорее предпочтёт погибнуть вместе со мной, но не отпустит.

502:

— (○○○)

Се Гуаньцзюй:

— К тому же показатель душевной боли ещё не на максимуме. Даже если бы он велел мне

уйти, я бы не ушёл. :)

502:

— ...Я дрожащей рукой беру сигарету. Мне так жаль нашего президента Фэна...

Фэн Бэй уложил измученного Се Гуаньцзюя на кровать и выбросил из квартиры все острые предметы, которыми тот мог бы пораниться. Но в душе он знал: этот человек всегда был упрямым — иначе не любил бы его так самозабвенно столько лет. Если он захочет, он обязательно найдёт способ причинить себе вред.

И тогда, даже если в квартире не останется ни одного острого предмета, он придумает что-нибудь другое.

Фэн Бэй, усталый и отчаявшийся, вышел из квартиры. Всё это время он не проронил ни слова.

На самом деле он хотел объяснить Се Гуаньцзюю, что исчезновение Чжоу Цзюня — не его рук дело. Да, он послал людей в санаторий, чтобы привести Чжоу, но тот, изучив за границей боевые искусства, легко вырвался из хватки охранников и сбежал по дороге. Что касается семьи Чжоу — он признавал, что косвенно приложил к этому руку, но даже без его вмешательства они бы долго не продержались.

Но он не мог всего этого сказать. Гордость не позволяла.

Он никогда не думал, что однажды сам станет жалким существом, умоляющим о любви — тем, кого раньше презирал. Но теперь он был готов отдать всё, лишь бы вернуть любовь этого человека. Лишь бы тот снова его полюбил, пусть даже ценой потери состояния, позора и краха. И он, безумец, считал, что оно того стоит.

Только он знал: это уже не исправить.

Он пошёл к врачам, но даже самые лучшие из них не могли определить, как вернуть Се Гуаньцзюю память.

Возможно, этот человек никогда больше его не вспомнит.

Фэн Бэй сидел в машине, медленно опустив голову на руль, и правой рукой вцепился себе в грудь, туда, где было сердце.

...

Следующие три дня, как и обещал, Фэн Бэй не появлялся. Он просто оставался внизу, в

машине, глядя на свет в окнах квартиры, то загорающийся, то гаснущий. Под колёсами валялись окурки. На третий день подчинённые сообщили, что Чжоу Цзюнь нашёлся. Всё это время его следы терялись, и было непонятно, что он замышляет. Фэн Бэй решил официально встретиться с этим «соперником».

Когда он вернулся в офис, Чжоу уже ждал его, прислонившись к стене у входа.

Стоявший рядом ассистент насторожился, окружив Чжоу охранниками в ожидании приказа Фэн Бэя.

Но Фэн Бэй лишь холодно скользнул взглядом по Чжоу и бросил:

— Заходи.

Чжоу последовал за ним, сел на диван напротив, заметил щетину на подбородке Фэн Бэя и усмехнулся, вкладывая в улыбку ненависть и сарказм:

— Генеральный директор Корпорации Фэн, а выглядите вы сейчас даже более жалко, чем я.

Фэн Бэй не обратил на это внимания, поднял на него глаза, и в его ледяном взгляде мелькнуло презрение:

— Твои родители, когда их фирма была на грани банкротства, давно сбежали за границу с деньгами. Небось сейчас греются где-нибудь на солнечном пляже в бикини. А несколько дней назад звонили Хэ Гуанъюню и жаловались по телефону, как им тяжело?

Чжоу Цзюнь несколько не удивился, что Фэн Бэй знает о том звонке. Он откинулся на спинку дивана, на губах его играла улыбка, которая, однако, не касалась глаз:

— Верно. Я всё подстроил. Я знал: у него мягкое сердце. После того звонка он возненавидит тебя до глубины души.

— Что ж, ты своего добился, — холодно усмехнулся Фэн Бэй. — Но даже так я его не отпущу. А я-то думал, ты способен на большее. Оказывается, ты всего лишь...

Улыбка Чжоу исчезла, он впился взглядом в Фэн Бэя.

Фэн Бэй, холодный и надменный, окинул его взглядом, поправил галстук длинными пальцами и пренебрежительно бросил:

— До того как он потерял память, он на тебя и не взглянул бы. Думаешь, теперь, когда ты обманул его, сказав, что спас из пожара, он полюбит тебя? Ошибаешься. Даже забыв меня, он не полюбит тебя.

Даже если он угрожал мне, требуя отпустить тебя, это было лишь из чувства вины и жалости.

— А ты кто такой, чтобы так говорить? — Чжоу внезапно вышел из себя, больше не в силах сдерживаться. Он подался вперёд, в глазах его кипела ненависть. — Ты сам всё упустил, сам отказался. А теперь говоришь, что сожалеешь? Разве можно просто взять и пожалеть? Или ты думаешь, что, если ты пожалеешь, весь мир будет вертеться вокруг тебя?

Фэн Бэй холодно смотрел на него.

Чжоу Цзюнь с трудом сдерживал желание разбить лицо Фэн Бэя в кровь. Подавленная ярость почти сводила его с ума, а вместе с ней приходила и ревность, которой он сам в себе не замечал:

— Ты знаешь, как ему было больно? Он так любил тебя. На моём дне рождения ему достаточно было одного твоего звонка, чтобы он тут же ушёл. Сколько бы я ни упрашивал, он не остался, чтобы провести со мной этот день. Он никогда не колебался в выборе между мной и тобой — никогда! Потому что, что бы ни случилось, он всегда выбирал тебя!

Когда он устраивал свою выставку, он несколько раз посылал тебе приглашения и ждал три дня и три ночи. Он сидел в галерее и каждый раз, когда входил новый посетитель, с надеждой смотрел на дверь — вдруг это ты... — голос Чжоу дрогнул.

Он злобно уставился на Фэн Бэя и вдруг понял, что не хочет, чтобы Фэн Бэй знал эти воспоминания, которые знал только он сам, — воспоминания, принадлежавшие только ему и тому человеку.

С какой стати Фэн Бэй должен о них знать? Он не достоин!

Фэн Бэй нахмурился, в его лице появилась растерянность, он словно потерял нить мыслей.

Чжоу Цзюнь, не отрываясь, смотрел на него, в глазах его кипели ненависть и отвращение. Вдруг он холодно усмехнулся:

— Жаль только, что теперь его чувства к тебе исчезли. Никто не может ждать вечно. Даже самый храбрый человек устаёт.

Фэн Бэй медленно сжал кулаки, в глазах на миг мелькнула боль. Ледяным тоном он произнёс:

— Ты пришёл сюда, чтобы нести эту чушь?

Между ними повисло напряжение, готовое вот-вот взорваться.

Голос Чжоу звучал зло и с безумной ревностью:

— Ты никогда не задумывался, почему после потери памяти он так враждебен именно к тебе? Потому что раньше ему часто снились кошмары, где ты был с ним холоден. Может быть, он когда-то загадал желание: в следующей жизни больше никогда тебя не встречать, больше

никогда не любить тебя. Кто знает?

Фэн Бэй наконец не выдержал. Он резко встал, впившись взглядом в Чжоу, словно в следующую секунду, потеряв контроль над яростью, собьёт его с ног. Грудь его быстро вздымалась и опадала. Холодно бросив:

— Можешь катиться. Я не желаю тебя больше видеть.

Но... когда Чжоу ушёл, Фэн Бэй откинулся на спинку кресла, словно чрезвычайно уставший. Он потёр переносицу, где, казалось, пульсировала острая, как игла, боль. Неужели это правда? Из-за безответной любви он отчаялся до такой степени, что загадал подобное желание: больше никогда в следующей жизни его не любить?

И теперь желание Хэ Гуанъюня исполнилось?

Фэн Бэй закрыл глаза. Ему безумно хотелось, чтобы это был всего лишь кошмар, и, проснувшись, можно было бы вернуть всё назад.

...

Се Гуаньцзюй провёл в квартире Фэн Бэя ещё два дня. За дверью по-прежнему дежурила охрана, но, видимо, испугавшись предыдущей выходки Се Гуаньцзюя, Фэн Бэй велел им лишь следовать за ним, не давая сбежать окончательно. Ему разрешили выходить на улицу, подышать свежим воздухом, что, по идее, должно было помочь восстановлению памяти.

В один из дней Се Гуаньцзюй бесцельно бродил по городу, словно и вправду пытаясь отыскать свои воспоминания.

<http://bllate.org/book/18587/1790318>